

ВЯЧЕСЛАВ РАГОЙША

Первая из вершин

Белорусской песни властелин

У каждого народа среди классиков национальной литературы выделяются фигуры главнейшие, которые внесли особый вклад в развитие родной литературы, языка и культуры, стали своеобразными символами самого народа. У англичан это Вильям Шекспир, у русских — Александр Пушкин, у поляков — Адам Мицкевич, украинцев — Тарас Шевченко... У белорусов такой фигурой является Янка Купала (Иван Доминикович Луцевич; 7 июля 1882 г. — 28 июня 1942 г.).

Конечно, Янка Купала не сделал бы для литературы, культуры, белорусского народа всего того, что он совершил за свои шестьдесят лет, если бы не было рядом с ним его соратников, единомышленников-подвижников. Это в первую очередь второй титан белорусского слова Якуб Колас, Максим Богданович, Тетка, Максим Горецкий, Змитрок Бядуля, Алесь Гарун, Тишка Гартный, Вацлав Ластовский, Антон Луцкевич... Однако несомненно и то, что среди этой славной плеяды талантливых и самоотверженных белорусских писателей-возрожденцев (и вообще среди деятелей белорусской культуры всего XX в.) Янка Купала стал самой заметной фигурой — и по мощи литературного таланта, и по творческой результативности, и по времени реализации этого таланта. В частности, творческий потенциал Янки Купалы проявился раньше, чем у других белорусских писателей начала XX в., в том числе Якуба Коласа. Так, первое свое стихотворение Янка Купала опубликовал в 1905 г., Якуб Колас — в 1906 г., первый свой сборник стихов «Жалейка» издал в 1908 г. (кстати, он должен был выйти из печати еще в конце 1906 г.), Якуб Колас — на два года позже («Песні-жалыбы», 1910). Впрочем, все самые известные произведения Якуба Коласа появились довольно поздно, только после революционных событий 1917 г.: «Новая зямля», этот «царь-колокол» белорусской литературы» (Алесь Адамович), и «Сымон-музыка» — в начале 1920-х гг., а трилогия «На ростанях» была завершена только в середине XX в. К 1915 г. (дата, когда в связи с военными событиями и общественными катаклизмами поэт замолчал на три года) поэт и драматург Янка Купала уже стал классиком новейшей белорусской литературы, состоялся как писатель не только национального, но и общеевропейского масштаба.

Не зря известный украинский поэт Павло Тычина назвал Янку Купалу «первой вершиной белорусского Эльбруса поэзии». Как известно, Эльбрус (гора на Кавказе) состоит из двух вершин, одна чуть выше другой. Под второй вершиной Эльбруса Тычина имел в виду Якуба Коласа. Сегодня мы уже говорим о трехвершинной «горе» белорусской поэзии XX в., что напоминает словенский Триглав. К самым высоким творческим вершинам — Янке Купале и Якубу Коласу — мы причисляем и вершину Максима Богдановича. Однако к каким бы сравнениям мы ни прибегали, истина остается одна: Янка Купала — первая из вершин.

Если талант дается человеку от рождения, то как распорядиться этим талантом — полностью зависит от самого человека. Оглядываясь на свой двадцатилетний творческий путь, поэт в стихотворении «За ўсё» (1926) писал:

*Я адплаціў народу,
Чым моц мая магла:
Зваў з путаў на свабоду,
Зваў з цемры да святла.*

Из пут на свабоду, из тьмы к свету... Такой путь вместе с белорусским народом прошел и сам поэт. Сын безземельного арендатора, затем — сам мелкий арендатор, чернорабочий пивоварни, библиотекарь, сотрудник, а впоследствии и редактор одной из первых легальных белорусских газет «Наша Ніва» (1906—1915), народный поэт Беларуси Янка Купала везде и всегда был с родным народом — и в горе, и в радости. Именно это позволило ему «сэрца мільёнаў падслухаць біцця» («З кутка жаданняў»), стать ярким летописцем жизни белорусского народа почти во все наиболее важные исторические моменты первой половины XX в.: в переломное время революционных событий в России в 1905—1907 и 1917 гг., в достопамятный период создания государственности Беларуси в 1918—1920 гг., в трагические 1930-е гг., в радостные дни воссоединения белорусского народа в едином государстве (1939), в самый мрачный первый год фашистской оккупации Беларуси (июнь 1941 — июнь 1942)... Но Янка Купала был не только художественным летописцем народа. В разное время, в зависимости от обстоятельств, тонкий и проникновенный лирик становился то поэтом-гражданином, то пророком, то философом, а то и борцом «за долю, волю і народ» («Памяці С. Палуяна»). Его творчество не только выявляло рост социально-политического и национального самосознания белорусов, но и активно содействовало этому росту, формировало общественный идеал, национальное самосознание, пробуждало историческую память — стало знаменем духовного возрождения народа. Не зря Максим Горький, познакомившись через газету «Наша Ніва» с «действительно народным» творчеством Янки Купалы, в статье «О писателях-самоучках» («Современный мир», 1911, № 2) дал чрезвычайно высокую оценку этому творчеству. А стихотворение «А хто там ідзе?», в частности, назвал песней, перевел эту «песню» на русский язык и высказал надежду, что она «станет народным гимном белорусов». То, что абсолютное большинство населения бывшего «Северо-Западного края России» из так называемых «поляков», «русских» или просто «тутэйших» постепенно стали белорусами, осознали себя как народ, такой же, как остальные славяне, то, что народ захотел занять (и наконец занял!) «свой пачэсны пасад між народамі» (вспомним купаловский призыв: «Занімай, Беларусь маладая мая, // Свой пачэсны пасад між народамі!..» — «Маладая Беларусь», 1906—1912) — получил государственность, а в конце XX в. и государственную независимость, — во всем этом огромная заслуга Янки Купалы. Отец нации — в этом именовании-перифразе Янки Купалы нет преувеличения.

С каждым годом все больший промежуток времени отделяет нас от того исторического периода, когда жил и творил гениальный Янка Купала. За маревом лет нередко сложно увидеть острую актуальность, насущность, ту или иную событийную обусловленность отдельных его произведений. Однако временное расстояние вместе с тем позволяет рассмотреть многое из того, что вблизи, бывает, и не заметишь. Сегодня намного явственнее, чем когда-либо, видится общечеловеческая суть поэзии Янки Купалы. Очень глубоко заглянув в душу сначала угнетенного, а затем социально и национально раскабаленного крестьянина-белоруса, он тем самым создал оптимистическую кардиограмму «очеловечения» человека-труженика. Такая кардиограмма обретает особенную значимость в контексте социальной и национально-освободительной борьбы, которая ведется сегодня во многих местах нашей планеты.

Янка Купала предстает перед нами и как оригинальный поэт-философ, со своей концепцией жизни, места и роли человека в нем. Мы, в частности, восхищаемся конкретными перипетиями, описанными в его многочисленных стихотворениях, поэмах, драматических произведениях, вбираем в себя мысли, наблюдения, эмоции, воплощенные в этих произведениях. И мы, безусловно, не

можем пройти мимо проблем, которые по-своему ставил и решал народный поэт: добра и зла, социальной справедливости, моральной ответственности, жизни и смерти, прощения и мести и т. д. Или возьмем проблему выбора, которую так остро ставил в своих произведениях Василь Быков, которую ставят и некоторые другие современные европейские писатели экзистенциального направления. Не проглядывает ли она еще в «Кургане», «Магіле льва», «Бандароўне» Янки Купалы? Думается, не только проглядывает, но и является одной из главных проблем этих глубоко содержательных поэм.

Народный поэт Беларуси — замечательнейший мастер поэтического слова, один из самых крупных поэтов, каких вообще знает мировая литература. Когда-то украинский писатель Максим Рыльский, который назвал нашего песняра «поэтом-рыцарем», писал: «Янка Купала был неисчерпаемо разнообразен в стихотворной форме, у него мы видим и произведения, написанные совершенно в духе народных песен («Алеся» его с измененным именем «Гануся» — записана на Украине из народных уст как фольклорное произведение), и сложные строфические построения, и обращение к таким каноническим узорам, как октавы, — но всюду он тот самый Янка Купала: простой, искренний, кристально-ясный, действительно народный поэт». Следует учесть, что Янка Купала не просто «обживал» для белорусской поэзии некоторые неизвестные ей ранее формы стиха (например, сонет, октава, брахиколон и др.), но и специально создавал новые. Поэт поднял культуру белорусского стихотворчества на мировую высоту, как никто из белорусских поэтов поспособствовал развитию техники стихосложения, привнес в белорусское и в целом славянское стихосложение свои ритмы, интонации, очертил наиболее перспективные пути, по которым и теперь развивается белорусский стих. Поэзия Янки Купалы является настоящей школой мастерства для современных и последующих поколений белорусских поэтов.

Творчество Янки Купалы — словно широко открытое окно в мир всей белорусской поэзии первой половины XX в. Отсюда, из окна купаловской поэзии, хорошо видны не только те магистральные пути, по которым шла белорусская литература, но даже и окольные тропы и дорожки. Явно видно и то, что эти пути торил не кто иной, как Янка Купала вместе с другим титаном белорусского слова — Якубом Коласом. И как бы в свое время ни становились «в рожки со стариками» некоторые из молодых белорусских литераторов — современников Янки Купалы и Якуба Коласа, сегодня их стихи и поэмы светятся привлекательным светом поэтичности в большой степени благодаря соседству с отличными произведениями классиков. Так начинает светиться люминесцентная лампа, когда вдруг появляется могучий источник электронного излучения...

Янка Купала — непревзойденный знаток народного белорусского слова. Автор «Жалейкі», как дельно заметил еще Анатолий Луначарский, привнес в литературу «свой словарь, свои обороты, свою поэтическую музыку просто из крестьянских глубин, из нови народного языкотворчества». В то время как Якуб Колас, черпая из тех самых источников, все же сознательно или подсознательно контролировал основные лексические и грамматические нормы своего языка (его учительское образование не могло не сказаться и в этом), когда Максим Богданович, живший далеко от Беларуси, пользовался преимущественно книжным (изученным) белорусским языком, то языковая стихия Янки Купалы — это синтаксически гибкая, лексически чрезвычайно богатая, интонационно выразительная живая народная речь, которая часто никак не укладывается в прокрустово ложе современной грамматики. Об этом свидетельствуют, в частности, старательно собранные белорусскими лингвистами материалы большого, восьмитомного «Словаря языка Янки Купалы». Янка Купала — яркий пример действительно народного поэта, который воскрешает в памяти психологический тип древнего сказителя-баяна. И этот пример тем более знаменателен, что жил такой баян не в легендарные времена «Слова о полку Игореве», а в XX в.,

в космический век. Думается, творчество, сама фигура Янки Купалы с течением времени будут притягивать все большее внимание не только литературоведов, но и языковедов, философов, психологов...

Мы — свидетели того, как поэтическое слово Янки Купалы живет не только белорусскую литературу. Для Александра Прокофьева, например (как, кстати, и для Всеволода Рождественского, Михаила Голодного, Марии Комиссаровой и некоторых других известных русских поэтов), творчество песняра явилось той «переправой», которая надежно и навсегда соединила их с вечнозеленым материком белорусской поэзии. Благодаря этой связи все поэты-переводчики почувствовали на себе благотворное влияние Купаловой музыки. Их желание — чтобы и на их поэзию «упало // Хотя бы немного света из того // Сиянья слов, в котором рос Купала, // С которым Колас ведал торжество» (А. Прокофьев) — осуществилось. Родниковая, светлая поэзия Янки Купалы также не однажды освежала голос Александра Твардовского, Михаила Исаковского, Сергея Городецкого, в чем признавались сами эти мастера поэтического слова. Впрочем, это же можно сказать и о некоторых поэтах других наций, в частности украинских. Скажем, когда М. Рыльский утверждал: «Как поэт, я подчас ловлю себя на том, что именно так я написал благодаря чтению моих белорусских друзей. Думаю, что это могут сказать и другие мои товарищи», — то он имел в виду прежде всего поэзию Янки Купалы.

Творчество белорусского поэта позволяет подчас глубже понять некоторые процессы в истории других национальных литератур, хорошо «вписывается» в эти литературы. Так, оно в известной степени заполняет одно недостающее звено в русской поэзии 1900-х гг. Как точно заметила русский литературовед Р. И. Файнберг, «в русской литературе той поры не было поэта, который, продолжая дело Некрасова, раскрыл бы изнутри мир растревоженного революцией человека. Эта задача выпала на долю великого лирика (Янки Купалы. — В. Р.), который выступил в 1905 году от имени закабаленного крестьянства Беларуси».

Учитывая все сказанное, не покажутся преувеличением слова Янки Купалы, с достоинством произнесенные в стихотворении «Мая навука» еще в 1919 г.:

*Цяпер маймі скарбамі — думы-саколы,
Цяпер беларускай я песні ўладар.*

Прилюдно заявил это поэт, будучи в пушкинском возрасте, в расцвете своих творческих сил, имея в своем поэтическом багаже — как никто из белорусских поэтов — множество замечательных произведений (не забудем, что знаменитые коласовские поэмы «Сымон-музыка» и «Новая зямля» появятся позже). Само стихотворение «Мая навука» — своеобразный манифест взглядов Янки Купалы на жизненные истоки как своего творчества, так и художественного творчества вообще. Но не только. «Мая навука» вместе с тем — это яркая демонстрация творческих возможностей и самобытности поэта.

Янка Купала главные истоки своего творчества, его идейно-эстетические ценности видит не в «раскошах» «мудрасці кніжнай», а в самой жизни: в физической работе («Каса і сякера, і цэп малацьбітны // Магутную волатаў сілу далі»), в белорусской природе («Ад самай красы маіх дзён невясёлых // Настаўнікам быў беларускі абшар»). Это действительно так. Однако нельзя прямолинейно, как подчас бывает, воспринимать эти слова. Без литературы, воспитания искусством, без «мудрасці кніжнай» настоящим художником стать нельзя. Сам Янка Купала, вспоминая начало своего творческого пути, отмечал: «Писать начал я с 1904 г., но сначала ничего путного не выходило, т. к. не имел тогда еще ни малейшего представления о теории стихосложения. Впоследствии попалась мне в руки стилистика, и дело стало налаживаться» [Письмо к Л. М. Клейнбарту, 1910. Как известно, среднюю школу поэту, к сожалению, не пришлось окончить. Но не будем забывать, что он четыре года (1909—1913) учился в Петербурге на общеобразовательных курсах А. Черняева — в этом вечернем университете для взрослых, а также в московском университете А. Шанявского

(1915). И разве можно не учитывать самообразование, постоянную, еще с раннего детства, тягу Янки Купалы к книгам! Вообще, нельзя противопоставлять учебу у реальной жизни учебе «у книг». Впрочем, поэт этого и не делает. Несколько гиперболизируя отсутствие систематического образования («...іншай не знаўшы навукі і школы»), он, тем не менее, с уважением относится к нему. Об этом красноречиво свидетельствует несколько штрихов — уважительные по отношению к образованию высказывания («мудрасць кніжная» — это «раскоша»; без «навукі і школы» поэт «у пацёмках шукаў... божы дар»). Да и сама поэтика стиха указывает на необходимость и наличие учебы его автора у литературных предшественников и современников. Ведь не сам Янка Купала избрал и систему стихосложения (силлабо-тонику), и стихотворный размер (четырёхстопный амфибрахий), и строфу (кагрн с перекрестной рифмовкой), и рифмы (мужские и женские, точные и неточные, открытые и закрытые), которыми написана «Мая навука»?! Все это было и до него в белорусской, а тем более в мировой поэзии, из которых и заимствованы эти компоненты стихотворной поэтики. На наличие литературных традиций подчас указывают даже отдельные образы стихотворения. К примеру, сравнение стихотворения с колоколом («песню, як звон... адлілі») — аллюзия, что ведет к стихотворению М. Богдановича «Паэту» («верш... як звон, зазвініць»).

Вместе с тем, как мы уже сказали, в «Маёй навуцы» ярко воплотилось оригинальное, новаторское, высокое поэтическое мастерство Янки Купалы, то, что определяет его талант, делает произведение (как и все лучшее в творчестве поэта) неподвластным времени. Сравнить песню (стихотворение) с колоколом — это выразительно, поэтически точно, образно обрисовать явление. Так у Богдановича. Но у Янки Купалы другой склад поэтического мышления: романтично-обобщенный, условно-ассоциативный, эмоционально-экспрессивный. Ему, как тому художнику-импрессионисту, важнее вызвать какое-то впечатление, чем создать рисунок — реальное сходство с предметом или явлением. И он пишет:

*Марозы і спёкі далі гарт нязбытны —
Мне песню, як звон, як пярун, адлілі.*

Морозы и зной отлили песню... Уже одна эта метафора своей новизной, неожиданностью, поэтической смелостью вызывает надлежащие эмоции и ассоциации. Но поэт обогащает эту метафору двумя сравнениями — «богдановичским» колоколом и неожиданным, чисто купаловским сравнением песни с перуном: «песню, як звон, як пярун...» А перед этим поэт назвал песню «гартам нязбытным». Так образ становится многослойным, в нем конденсируются, подчиняясь выявлению одной эмоциональной мысли, несколько тропов. Причем поэтические «мазки» размашистые, щедрые, ведь купаловский «мольберт» — весь мир, даже вселенная. Это не только «бурлівая рэчка і млын гутарлівы», которые «складалі... рытму мастацкія зівы», не только «цяністыя бітага шляху прысады // І ў вырай лятуць гусяў инуры», что придавали песням гармонию, не только шепот «спелых пшанічных калоссяў» и шелест «лісцяў узмежных ігруш», от которых «музычная водгулле ў песню лілося», не только, наконец, зеленое поле и «цвітучая ў сонечны цвет сенажаць», которые «вучылі, як словы ў вянок завіваць» (здесь — понимание автором стихотворения «души» поэзии, от ритма — к музыкальности, гармонии). Все это — еще чисто земные зарисовки. Но вот Янка Купала бросает взор в космос. Космичность его поэтического мышления, выявившаяся еще в ранний период творчества, не может не вызывать восхищения:

*Душу акрылялі прыгожасці свету,
Па гонях пад небам лунала яна,
Купалася ў сонцы вясёлкай распетай,
Сама, як вясёлка, як казка-вясна.*

*І п'яная чарамі, п'яная песняй,
Як сон заварожаны райскіх мясцін,*

*Шаптала мне дзівы цвітучых прадвесняў
І песняй лілася з паходам часін.*

Видно, не стоит «препарировать» этот поэтический образ красоты, опускать его с космических далей на грешную землю, отделять один образный «слой» от другого. Потому что при этом можно уничтожить саму поэзию, в которой, как и в музыке, не все и не всегда поддается рациональному истолкованию. Главное, что на уровне не только (возможно, даже не столько) сознательном, но и подсознательном мы понимаем поэта, воспринимаем его формулу красоты, понимаем и те «дзівы цвітучых прадвесняў», которые нашептала ему, поэту, эта красота.

Купаловское, неповторимое видно в «Маёй навуцы» не только в образном строе, в его романтическом реализме, но и в разработке «целины народного языкотворчества», на что в свое время указывал А. Луначарский. Имеются в виду самобытные народные слова и словоформы (*гутарлівы, плюскат, прыгожасць, раскоцісты, песельны, саколы, малацьбітны* и др.), употребление синерез (*наўчыўся* — вместо *навучыўся*, *парадквалі* — вместо *парадкавали*) и диерез (*нашэптываў* — вместо *нашэптава*, *шопату* — вместо *шэпту*), которые органично входят в лексикон поэта. Они придают стихотворению неповторимый колорит, создают дополнительные смысловые и эмоциональные нюансы.

На заре новой жизни

Как известно, с начала 1914 г. Янка Купала возглавил газету «Наша Ніва», стал ее главным редактором. Однако фронт Первой мировой войны приблизился к Вильно, город в сентябре 1915 г. стал эвакуироваться. Газета перестала выходить. Янка Купала, впечатленный ужасами войны, бушевавшей на белорусской земле, замолкает как поэт, подтверждая справедливость давнего изречения: «Когда говорят пушки, музы молчат». Он выезжает в деревню, в Акопы, где жила мать, потом — как беженец — попадает в Орел, затем в Москву, где поступает в народный университет А. Шанявского. В январе 1916 г. женится на Владиславе Францевне Станкевич, красивой и энергичной женщине, которая на всю жизнь стала ему советчицей и подругой, а после смерти поэта очень много сделала для увековечивания его памяти. Сразу после свадьбы он призывается в армию. Служит в дорожно-строительном отряде сначала в Минске, затем в Полоцке (здесь его застигает Февральская революция 1917 г.), потом в сентябре 1917 г. попадает в Смоленск, где встречает Октябрьскую революцию, гражданскую войну, начинает работать разъездным агентом по заготовке сельскохозяйственных продуктов. В то голодное и холодное время тоже было не до стихов.

Второе поэтическое дыхание пришло к Янке Купале осенью 1918 г., когда он жил и работал в Смоленске. Смоленск в то время являлся центром так называемой Западной области, в которую входили Смоленщина и свободные от немецкой оккупации восточно-белорусские земли. И к активному творчеству после длительного перерыва поэта позвала именно Отчизна, Беларусь. Янка Купала хотя непосредственно и не участвовал во многих приснопамятных событиях того времени, но, несомненно, знал о них: и о борьбе коммунистов-белорусов, национал-коммунистов (Д. Жилунович, Я. Дыла, А. Бурбис, А. Червяков и др.) с коммунистами-великодержавниками (И. Алибегов, В. Кнорин, К. Ландер, А. Мясников и др.) за создание хотя бы автономной, в составе Российской Федерации, Белорусской советской республики, и о разогнанном смоленскими большевиками (руководителями западного облисполкома) Всебелорусском съезде в Минске в декабре 1917 г. с его декларированной самим Сталиным возможностью «безоговорочно объявить себя учредительным, образовать свою республику и даже отделиться от России» [цит. по.: 5, с. 90], и о провозглашении 25 марта 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР)... Поэт увидел:

неутомимый сев на национальной ниве, благодаря бурным революционным событиям, дал быстрый и хороший урожай. Теперь самое время перед народом, пробужденным от летаргического сна, ставить на этот раз новые, задачи — по строительству государства. Потому что он хорошо знал: «*Пройдут годы, подрастут сыновья и внуки наши и спросят тогда нас: «Что сделали вы в то бурное и достопамятное время для своих потомков, для своего края?»*».

Янка Купала, который больше трех лет молчал как поэт, за каких-то два последних месяца 1918 г. написал свыше двадцати стихов. И каких! Здесь и знаменитая «Спадчына», и прекрасные сонеты «Для Бацькаўшчыны», «Пчолы», «Наша гаспадарка», и пламенное стихотворение-призыв «На сход!», и глубоко символические «У дарозе», «Паязджане», и красноречивое обращение «Свайму народу» с его призывом:

*Паўстань, народ! Для будучыны ішчасце
Ты строй, каб пун не строіў больші сусед;
Не дайся ў гэты грозны час прапасці, —
Прапаішчых не пацешыць ішчасцем свет.*

*Сваю магутнасць пакажы ты свету, —
Свой край, сябе ў пашане мець прымуць.
Паўстань, народ!.. З крыві і слёз кліч гэты...
Цябе чакае маці-Беларусь!*

Причем, как и всегда у Янки Купалы, это были не бескрылые стихи-однодневки, а произведения эстетически полноценные, глубоко поэтические, хотя и возникали они иногда по несколько в день. Поэт, безусловно, сердцем уловил эпохальный для Беларуси момент, когда на мощном фундаменте, возведенном еще до всех названных событий, нужно было возводить стены Белорусского государства. Благо и пример хороший был: на развалинах Австро-Венгрии возникли Югославия, Чехословакия, из бывшей царской России выделились Польша, Финляндия, объявили самостоятельность Украина, Литва, Латвия, Эстония...

В стихотворении «Час!» поэт-пророк призывал:

*Хай званы зазвоняць з жарам,
Хай музыка ў струны ўдара!
Гэй, паўстань, народ!
За сябе сам пастаяці
І за Бацькаўшчыну-маці
Йдзі, народ, на сход!*

Ритм стихотворения, воплощенный в четырехстопном хорее, подкрепленный многочисленными лексическими и фонетическими повторами, — бодрый, оптимистический. Эту мажорную интонацию поддерживает и пятикратное повторение секстин — шестистрочных строф на три рифмы: Аабввб. Задача же поэта была пробудить народ от длительного летаргического сна, призвать его на «сход» — как и в драме «Раскіданае гняздо» (1913), где Сымон бросает клич: «*На вялікі сход! Па Бацькаўшчыну!*» Янка Купала в символических понятиях «сход», «нарада», как и в многочисленных других, на которых «держится» стихотворение «Час!» (*новы пасад, сонца залатое, лепшы час, цаты, косы и др.*) олицетворял свою мечту о новой, лучшей жизни, эмоционально побуждал «грамаду» к активным социальным действиям.

Идти «на сход» Янка Купала призывал и в стихотворении с одноименным названием — «На сход!»:

*На сход, на ўсенародны, грозны, бурны сход
Йдзі, аграблены, закованы народ!*

*Як роўны йдзі жыхар між роўных жыхароў,
Адай на суд свае ўсе крыводы, слёзы, кроў <...>.*

*Аддаці ўсё на суд, на ўсенародны сход
Ідзі, аграблены, закованы народ!*

Что это был за «сход» и каким в будущем должно быть Отечество (демократическая республика? социалистическое государство? Великое Княжество Белорусское, вроде прежнего Великого Княжества Литовского?) — тогда над этим поэт, по-видимому, не задумывался. Да и поэту ли определять это? Сам народ, политики, государственные деятели скажут свое слово. Для него главной задачей было формировать государствообразующее общественное мнение, эмоционально поднимать общество к активному национально-государственному строительству.

Как мы сегодня знаем, большевистское руководство Западной области как могло сопротивлялось даже национально-автономному устройству Беларуси в составе новой России. Так, 21 декабря 1918 г. в редакционной статье газеты «Западная Коммуна» говорилось: «Спрашивается, зачем эта игра в советские республики?.. Провозглашение советской республики Белоруссии... не в интересах социалистической революции». И только когда члены Белнацкома при Наркомате просвещения РСФСР убедили, наконец, Ленина и членов Бюро ЦК РКП(б) в необходимости провозглашения советской Беларуси, смоленским большевиком-великодержавником ничего не оставалось, как исполнить решение Бюро ЦК РКП(б) об образовании БССР («А то будет плохо!» — предупредил их Сталин). Однако и на этом еще не все закончилось. Уже была 1 января 1919 г. провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), из Смоленска в Минск переехал Янка Купала и члены правительства республики во главе с Дмитрием Жилуновичем (Тишкой Гартным), а газета «Звезда» 5 февраля 1919 г. рукою В. Кнорина угрожающе писала: «Потуга белорусской националистической интеллигенции к созданию «своего» белорусского языка, «своей» национальной культуры напрасны... Пусть примут это к сведению белорусские писатели». Эта угроза-предупреждение в первую очередь была направлена, несомненно, в адрес Янки Купалы, который в то время в Минске начинал национально-просветительную и культурную работу, служа в Комиссариате просвещения библиотекарем при Белорусском народном доме. Не удивительно, что патриотические стихи Янки Купалы 1918 года ни в Смоленске, ни в Минске, пока там держалась власть Мясникова и Кнорина, опубликованы не были. Да и где они могли быть опубликованы, когда тогда же, в начале 1919 года, Бюро ЦК КП(б)Б, которое возглавлял тот же Кнорин, постановило: «Издание белорусской газеты признать нежелательным». Как писал Янка Купала в стихотворении «Крыўда»,

*Раскованы раб сябе выдаў —
Не ўзнёсся ўвысь дух чалавечы, —*

*Нявольнік набратаўся з Крыўдай
І ў помач ёй даў свае плечы.*

Названные стихи песняра были напечатаны в том же 1919 г., только уже во время польской оккупации Минска, под которую неожиданно попал и их автор.

С думой про Беларусь

Польская оккупация Минска продолжалась с 8 августа 1919 г. по 11 июля 1920 г. Стихи, написанные в Смоленске при советской власти, Янка Купала опубликовал в газетах «Беларусь», «Звон», журнале «Беларускае жыццё». И что интересно: актуальность их несколько не уменьшилась. Более того, даже возросла. В то время как большевики, пусть и из чисто политических соображений, поневоле и всего-навсего на небольшой части одной Минской губернии, пошли на провозглашение БССР (правда, через месяц соединили ее с Литвой, объявив о создании Литовско-

Белорусской ССР — Литбел), польские власти не признали не только БССР (что понятно), но и БНР, и на оккупированной ими территории не захотели предоставить белорусам даже национально-культурную автономию. Все это болью откликнулось в сердцах патриотически настроенных белорусов, в том числе — Янки Купалы, вызвав в нем резкое сопротивление полонизаторским устремлениям «западников», как до этого — ассимиляторским — «восточников». Он постепенно приходит к убеждению о необходимости для Беларуси полной государственно-политической независимости. Во время польской оккупации Янка Купала выработал свою собственную концепцию государственной независимости Беларуси и выразил ее в ряде стихотворных и публицистических произведений.

Сегодня как эпохальное достижение в государственном строительстве мы воспринимаем суверенное существование Республики Беларусь. С самых высоких трибун получение Беларусью государственной независимости в 1991 г. квалифицируется как выдающееся событие не только в жизни белорусского народа, но и в истории всего славянского мира, а День Независимости Республики Беларусь (День Республики) отмечается нами как величайший праздник. Правда, еще до недавнего времени в печати (преимущественно зарубежной) можно было прочесть, что независимость «упала» на нас неожиданно, что мы «не готовы» к государственной самостоятельности, что белорусы якобы в общем «негосударственная нация» и т. д. В то же время успехи сегодняшней Беларуси в экономике, образовании, науке, культуре, спорте, во всех областях народного хозяйства неопровержимо свидетельствуют о больших государствообразующих возможностях нашего народа, которые наиболее и наилучше раскрываются именно теперь, во время, когда *«Беларусь на куце ў хаце сваёй села»* (Янка Купала). Что касается «неожиданности», «неготовности» получения белорусами суверенитета, то этот намеренный домысел опровергает, в частности, творчество народного песняра Янки Купалы, который еще в начале XX в. не только думал о государственной независимости для своего народа, но и средствами пламенной публицистики и поэзии разрабатывал ее концепцию. Что же это за концепция, в чем ее суть?

Мысленно обзрев XX в., можно легко выявить драматические и даже трагические моменты в судьбе белорусского этноса: Первая мировая, гражданская и советско-польская войны 1914—1920 гг., репрессии в Западной Беларуси и БССР в 1920—1930-х гг., Вторая мировая война 1939—1945 гг., теория и практика «слияния наций», создания «единого советского народа» послевоенного времени... Вместе с тем, можно увидеть и то главное, чего мы достигли: наконец мы стали нормальной европейской нацией! Современное наше общество («не один миллион») на прежний купаловский вопрос *«А хто там ідзе?»*, без сомнения, ответит так же, как и в начале XX в., но уже полностью национально сознательно: «Белорусы!» И заслуга в этом, несомненно, прежде всего великого Янки Купалы, который в самом начале столетия, в течение трех с половиной десятилетий (самых, пожалуй, тяжелых и ответственных), опираясь на сделанное предшественниками и на своих единомышленников-современников, неутомимо и настойчиво «творил» нацию: выявлял ее самобытный духовный облик, углублял историческую память народа, расширял его национальное самосознание, гранил белорусский литературный язык, одарил белорусов литературно-художественными сокровищами мирового уровня, определял их духовные ориентиры... Причем это «творение» нации происходило поэтапно, в зависимости от конкретно-исторических обстоятельств, но (опять же, благодаря тем самым конкретно-историческим обстоятельствам) быстро, даже стремительно. Так, в 1920 г., выступая в Минске на юбилейном вечере, посвященном 15-летию своей литературной работы, Янка Купала подчеркнул: *«Ни одно в мире возрождение народа, ни одна великая идея не распространялась так быстро, как идея национального возрождения белорусского народа. И действительно. Что было пятнадцать лет назад и что мы видим теперь? Пятнадцать лет назад несколько сумасшедших голов хотели головами стену пробить — отстраивать свою закованную в многовековые оковы Отчиз-*

ну, а ныне без малого весь народ всеми силами добивается своего освобождения. Пятнадцать лет назад о независимости и подумать было опасно, — ныне наши более сильные соседи сами об этом по-государственному говорят с нами как с народом, который заслужил по людскому и Божескому праву эту независимость». К сожалению, еще очень долго, до конца XX в., белорусам «о независимости и подумать было опасно». Однако ныне, в начале XXI в., «наши более сильные соседи сами об этом говорят с нами», а государственная независимость Беларуси, как и всех других суверенных государств мира, справедливо считается величайшей социально-политической ценностью.

Как мы знаем, мотивы социальной справедливости в творчестве Янки Купалы, начиная с первого стихотворения «Мужык», вырисовались в желании «очеловечить» крестьянина, сделать его полноправным гражданином, а затем — и призвать к борьбе за свои социальные права. Что касается национально-патриотических мотивов, то с самого начала они воплотились в произведениях чисто просветительского, белорусоведческого характера. Янка Купала терпеливо и целенаправленно объяснял белорусскому мужику, что он именно белорус, а не какой-нибудь «тутэйшы», «поляк» или «русский», что не надо путать веру и национальность (так называлась одна из статей писателя — «Вера і нацыянальнасць», 1914), что родина его — Беларусь, которая протянулась от Смоленщины до Гродно и Бреста, от Полесья до Виленщины, что его родное слово, хотя теперь «загнаннае», однако «магутнае» и «бясмертнае» (стихотворение «Роднае слова», 1908). Оно когда-то звучало из уст самых сановных вельмож, а белорусский язык был государственным в могучем Белорусско-Литовском государстве — Великом Княжестве Литовском... Изю дня в день, из года в год Янка Купала, как когда-то великий Тарас Шевченко украинцев, учил белорусов «любіць свабоду, родны край і мову» («Памяці Шаўчэнкі», 1909). В ряде произведений поэт даже идеализировал прошлое, противопоставлял его неинтересной, небелорусской современности («Над сваёй Айчызнай», «Курганы», «З мінулых дзён», «На Куццю» и др.). Однако это возвеличивание прошлого по сравнению с современностью не было самоцелью, стремлением обелить «былое» и очернить «теперешнее», а вызывалось желанием пробудить в белорусе белоруса, возродить его национальное самосознание, историческую память, очертить оптимистическую перспективу его будущего свободного и самостоятельного существования.

Никто так умело, деликатно, целенаправленно не взращивал, не создавал белорусскую нацию в начале XX в., как народный песнярь Беларуси. В 1914 г. началась Первая мировая война. И Беларусь, как не раз это случалось в течение предыдущих столетий, стала ареной самых жестоких кровопролитных битв. Миллионы белорусов тронулись с мест, были мобилизованы в царскую армию (в том числе и сам Янка Купала), пошли на восток, в беженство. Затем Первая мировая война сменилась братоубийственной гражданской, которая, в свою очередь, — советско-польской войной. Под угрозой оказалось не только духовное, но и само физическое существование нации. И возрожденческо-белорусская тема у Янки Купалы отошла на второй план, а затем и вообще исчезла. Более того, как мы знаем, поэт в то время вообще перестал писать, с 1915 г. замолчал, казалось, навсегда. И только судьбоносные события 1917 г. опять призвали пророка национального возрождения к творению нации и активному определению ее форм государственного существования.

Польская оккупация Беларуси в 1919—1920-х гг. — малоисследованная историками тема. Обычно обходят этот период в жизни и творчестве Янки Купалы и литературоведы. В то же время он чрезвычайно важен, потому что как раз тогда, несмотря на разные общественно-политические условия, у Янки Купалы окончательно созрела концепция не просто национально-государственного самоопределения, а более того — независимого существования Белорусского государства. То, к чему в практике национально-государственного строительства мы пришли только в самом конце XX в., в итоге распада СССР. Народный песнярь эту

свою концепцию определил не столько в стихотворных произведениях, сколько в ряде актуальных и высокохудожественных публицистических статей. Причем он ее каждый раз активно углублял, наполняя понятие государственной независимости конкретным и глубоким содержанием.

Стержневая идея этой Купаловской концепции государственной независимости Беларуси высказана однозначно: *«Только одна полная государственная независимость может дать и реальную свободу, и богатое существование, и добрую славу нашему народу»* («Незалежнасць», 1919). Поэтому он как мог расшевеливал белорусов, развеивал их надежду, что кто-то другой, а не они сами, может решить их судьбу. Анализируя в газете «Беларусь» в январе 1920 г. «Справу незалежнасці Беларусі за мінулы год» (название статьи), говоря, как после отхода немцев на «ограбленные просторы с большой прытью устремились с Востока — российские большевики, с Запада — польские националисты», Янка Купала пророчески говорил: «Прошедший год показал нам, что интернационалисты и опьяневшие от побед националисты не дадут Беларуси желанного мира и независимости. Они ее делили и будут делить между собой, пока сам белорусский народ не скажет свое последнее слово». Это, впрочем, очень скоро, в марте 1921 г., подтвердил советско-польский договор о мире, на подписание которого в Ригу даже не пригласили руководителей БССР. А согласно тому же договору половина территории Беларуси отходила к Польше...

Янка Купала хорошо понимал роль личности в обществе, в частности — в становлении национального государства. Были уже и яркие примеры такого рода: чех Томаш Масарик и поляк Юзеф Пилсудский, которые сыграли первостепенную роль в возникновении в 1918 г. новых государств — соответственно Чехословакии и Польши. Для купаловского понимания роли личности в истории много дает, например, стихотворение «Паўстань...», написанное поэтом 28 августа 1919 г. Стихотворение состоит из четырех октетов (восьмистиший), каждый из которых скреплен лексическими и синтаксическими повторами и рифмовкой и пронизан одной законченной мыслью. По жанру произведение можно отнести к стансам. Но это стансы своеобразные, новаторские. Благодаря одинаковому архитектурному строению отдельных октетов и сквозному повтору в них одних и тех же фраз с первым побудительным словом «Паўстань...», все восьмистишия, при их самостоятельности, направлены к одной стержневой идее. Идея эта — выявить и пробудить в народе его лидеров, вождей, кто смог бы в переломный исторический момент добиться государственной независимости страны. Кого же видит Янка Купала во главе нации? Во-первых (и это знаменательно!), выдающегося мыслителя, «пророка», своеобразного «волхва», который «мудрым словом» смог бы сбросить с народа *«ўрок, якім быў век праз ворагаў савіт»*, собрал бы *«ў адну ўсю Беларусь сям'ю»*. *«Паўстань з народу нашага, прарок!»* — горячо призывает поэт.

Однако мысль, какую бы вещью, актуальной она ни была, сама по себе, пока не может зажечь сердца людей, не может стать реальной силой. Рядом с выдающимся пророком должен встать выдающийся поэт, песнярь, *«былых і будучых вякоў баян»*, который бы, как буря, загудел *«пад звон кайдан»*, бурным словом-кличем пронесся *«над Беларусыяй з краю ў край»*, над курганами заиграл бы перуном, разжег бы *«ў сэрцах спячых»* священный пожар. *«Збудзіць нябожчыкаў паўстань, Пянярь!»* Только поэт, его пламенное слово, по Янке Купале, может оживить «нябожчыкаў». Оживить, чтобы они подняли гордо головы, развернули плечи, стали воинами, борцами за свой край, народ.

А среди них должен появиться один, самый смелый, мужественный, самоотверженный, который бы — *«волатам на вогненным кані»* — повел *«народ аграблены»* в поход за Отчизну, смёл бы с ее полей *«чужых бадзяк»*, стал бы на вахте *«гранічнае мяжы»*... *«Паўстань з народу нашага, ваяк!»* — молит-просит Янка Купала.

Логическое же завершение усилий Пророка, Песняря и Воина поэт видит в создании Белорусского государства, во главе которого должен стать крупный

государственный деятель. Поэтому — «*Паўстань з народу нашага, Ўладар!*» Восстань, чтобы «*адбудаваць свой збураны пасады*». Своего правителя «*жджэ Беларусь даўно*», его тут ждет «*ўладарства Божы дар*»...

Таким образом, в стансах «*Паўстань...*» сконденсирована, по сути дела, вся программа национально-государственного строительства. Точнее — понимание руководящих сил этого строительства. Как будто маг-волшебник, Янка Купала вызывал из народных недр чудодейственные силы, которые смогли бы повернуть ход истории, придать уже провозглашенной Беларуси (а уже были, как мы помним, и БНР, и БССР, и Литбел) вес настоящей, а не бумажной государственности.

*Паўстань з народу нашага, прарок <...>
Зняць пумы Бацькаўшчыне ўстань, прарок!*

*Паўстань з народу нашага, пясняр <...>
Збудзіць нябожчыкаў паўстань, пясняр!*

*Паўстань з народу нашага, ваяк <...>
Свой край заваяваць паўстань, ваяк!*

*Паўстань з народу нашага, Ўладар <...>
Пад беларускі сцяг прыйдзі, Ўладар!*

Очевидно, знакомый с тогдашними национальными кадрами — как со стороны большевиков, так и «незалежников», — поэт не видел среди них ни «пророков», ни «воинов», ни «песняров», хотя быть «властелинами» многие из них, несомненно, хотели. Тем более он не имел в виду Юзефа Пилсудского, человека не «из народа нашего», в чем Янку Купалу безосновательно обвиняли сотрудники НКВД в 1930 г. Что давало основание для такого обвинения? Действительно, стихотворение было напечатано в газете «Звон» ее тогдашним редактором Язепом Лёсиком 17 сентября 1919 г., за день до приезда главнокомандующего польской армии Пилсудского в Минск. Но ведь, во-первых, стихотворение было написано поэтом на хуторе Карлсберг (недалеко от Радошковичей) еще за три недели перед этим неожиданным событием, которое, разумеется, никто в то военное время не афишировал и о котором Янка Купала не мог знать. Во-вторых, Пилсудского можно было именовать «воин», даже «властелин», но только не «пророк» и не «песняр». Впрочем, песняром независимой Беларуси он мог стать и становился сам. Так же как и пророком.

Янка Купала понимал, что каждое самостоятельное государство должно иметь свою национальную символику — Флаг, Герб, Гимн. Поэт радовался, видя, что белорусский флаг, как один из основных символов независимого государства Беларусь, «*уваскрос*» («Беларускі сцяг уваскрос!»). Хуже было с гимном, с которым выходила «какая-то неразбериха». Существовало несколько песен, которые исполняли функции гимна («А хто там ідзе?», «О Божа, спасе наш», «Працуй, беларусе...», «Не загаснуць зоркі ў небе...»), но не было того одного, общепризнанного, белорусского национального гимна. «Дело это очень важное, — подчеркивал Янка Купала, — и надо, конечно, чтобы наша идейная интеллигенция — поэты и композиторы — занялись им надлежащим образом» («Справа беларускага нацыянальнага гімна»). Независимое государство должно опираться на реальную силу, и не только на социально-политическую, но и военную. Самостоятельное государство не может существовать без своей армии. Потому «*армия белорусская должна быть, и она будет*», надо «*дать белорусам возможность защищать свои пограничные столбы армией белорусской*», ведь «*сама жизнь этого требует, требует этого самооборона*» («Беларускае войска»). Поэт приветствовал создание в Минске Белорусской Военной Комиссии, которая начала регистрировать белорусов-офицеров, формировать белорусскую армию, хотя польские власти определенное время не позволяли этого, боясь (и небезосновательно), что оружие белорусов будет направлено против них.

Янка Купала, идеологически обеспечивая национальную белорусскую армию, даже написал большой цикл стихотворений-песен «На вайсковыя матывы» (1920 г.) — ради духовной пищи молодых белорусских солдат. Поэт в общем делал ставку на молодежь, радовался, что во время, когда *«широкий размах приняло наше дело по построению своего независимого Отечества»*, молодежь активно начала включаться в общественную жизнь. Он с радостью отмечал, что *«строительство независимого Белорусского государства берет в свои руки наша молодежь»*, подчеркивал: *«Сегодня у нас создается армия, создается руками этой самой горячей белорусской молодежи, создаются в городах, местечках и деревнях белорусские национальные комитеты, все руками той же самой белорусской молодежи»* («Моладзь ідзе!»). И это было не заигрывание с молодежью, а позиция человека, умудренного опытом пережитого, который видел в молодежи одну из основных движущих сил общества.

Что касается социально-политического обустройства будущей свободной Беларуси, то, согласно Янке Купале, это будет действительно демократическое государство, в котором *«все равны перед государственной властью, все равны перед правом и законом»*, *«каждый гражданин нашей страны должен пользоваться равным почетом, равной защитой в глазах права мира»* («Незалежная дзяржава і яе народы»). Национальные меньшинства в этом государстве будут *«свободно развивать свою национальную культуру и самобытность»*, ведь *«свободный белорус в своем независимом государстве будет относиться к ним более понимающе, чем белорус, подневольный иноземцам»*. *«Во всех государственных и гражданских учреждениях, начиная от государственного сейма и кончая местными и волостными самоуправлениями, — должны иметь свое место и национальные меньшинства, понятно, пропорционально белорусскому большинству»*

Янка Купала всегда был на стороне «бедных и загнанных», выступал за социальную справедливость. Прославляя государственную независимость, он, вместе с тем, не забывал и о социальной справедливости. Поскольку в царской России белорусы были «мужицкой нацией», то особенно острым здесь был земельный вопрос. Выказывая надежду крестьян на справедливое решение этого вопроса, Янка Купала в статье «Зямельная спекуляцыя» писал: *«Белорусский земледелец верит и ждет, что панская земля рано или поздно перейдет в его руки и что этой земли ему хватит, лишь бы только разделить ее по справедливости, как и пристало на добрый толк и лад в государстве»*. Он разоблачал «панов-помещиков», которые стали спекулировать землей, *«стараятся как можно больше перегнуть загонов малых и больших дворов на царские рубли»*. Причем, решение всех вопросов — от политических до социальных — поэт связывал с активностью самого населения Беларуси: *«Самый лучший друг, самый лучший спаситель наш от наших бед — это мы сами. И если не хотим погибнуть, если не хотим быть вечными рабами, — должны оставить мы дурную привычку думать, что кто-то придет и спасет нас от нашей беды, от нашей неволи»* («Больш самачыннасці»).

Независимая, свободная Беларусь в ее этнографических границах... К этому стремился Янка Купала в 1919—1920 гг., это определяло пафос его литературного творчества и общественной деятельности как Пророка и Песняра. Купала-пророк, Купала-мыслитель выдвигал идеи, определял конкретные ориентиры белорусской государственности. Купала-песняр огонь этих идей оправлял в оболочку поэтического и публицистического слова, которое стихами и статьями вспыхивало на белом поле «Беларусі», «Звона», «Руні», «Беларускага жыцця» и других белорусских изданий того времени.

Вместе с пробуждением, политической активизацией нации Янка Купала делал все ради ее консолидации. В то время шла советско-польская война, и Беларусь, как писал поэт в стихотворении «Новы год» (1919), *«бязбожна жыўцом парэзалі на часці»*. Для поэта — отца нации — самым больным было даже не это, а то, что *«брат проць брата стаў варожа // І намагае край раскрасці»*.

Это было не только на белорусской территории, оккупированной легионерами Пилсудского, но и на землях, занятых Красной Армией. Пламя классовой, гражданской борьбы уничтожало, испепеляло молодую белорусскую нацию, обезкровливало ее. Янка Купала как идеолог национального возрождения не мог не видеть этой опасности. И он, с одной стороны, группирует национальные силы, объединяет их. Пишет стихи, статьи, берется даже за перевод «Слова о полку Игореве», вдохновленный его консолидирующей идеей — единение восточнославянских княжеств перед угрозой татаро-монгольского нашествия. Конечно, и угроза в начале XX в. была совсем другая, и не всех восточных славян, а белорусские национальные силы имел в виду переводчик. Но сверхзадача Купалы-переводчика была та же, что и у автора «Слова»: группировать, консолидировать народ ради его же будущего. С другой стороны, поэт выступает против разных предателей, отщепенцев, которые за ложку похлебки с чужеземного стола готовы предать национальные интересы. В стихотворении «*Пяць сенатараў*» Янка Купала язвительно высмеял отщепенцев, которые не стеснялись унижаться, лишь бы только получить подачку от поляков. Вместе с тем он разоблачает политическую торговлю «восточников» и «западников», которые, прикрываясь высокими словами об освобождении народов, во имя «*панавання ўсясьлянага молаха-золата*» решают свои дела за счет этих народов.

Надо сказать, что Янка Купала несколько не унижил своего шляхетского достоинства не то что прислуживанием, но даже и симпатизированием польским оккупантам. С другой стороны, не злоупотреблял он и относительной безопасностью, чтобы из-за линии польско-советского фронта «доставать» большевиков. Поэт с позиции белорусского незалежника, с высоты белорусской государственности довольно объективно оценивал действия и первых, и вторых. Хотя такая объективность в то военное время требовала немалой смелости, мужества. Ведь прилюдно сказать в начале 1920 г., что «*праз два гады на Беларусі // Народ аб радасці не сніў*», что «*ўсюды шалее катні здек і гнеў*» и всюду «*звініць ланцуг, як і звінеў*» (стихотворение «25.III.1918-25.III.1920. Гадаўшчына-памінкі») — это значило противопоставить себя польским властям, самому Пилсудскому, которые на весь мир заявили об освобождении белорусов из-под «большевистского гнета». Янка Купала даже в присутствии польских военных властей гордо заявлял: «*Перуновым голасам будзем гаварыць з суседзямі сваімі, бліскавічнымі літарамі будзем упісваць сваю гісторыю ў векавечную кнігу гісторыі народаў*».

Такие основные пункты купаловской концепции государственной независимости, выработанные (выстраданные) им с думой про Беларусь. Логике Пророка дополняли эмоции Песняра, который, сам горячо поверив в идею национального возрождения, зажигал этой идеей других: «*Орлиным взмахом огнецветной мысли о нашей свободе мы сбросили и растоптали долговечную брехню, — брехню, что Беларусі не было и нет. Своим достопамятным и могучим духом народным, что отважно взлетает к солнцу, мы показали миру, что Беларусь была, есть и будет*» («Прамова на 15-годдзі літаратурнай працы», 1920). И эту веру поэта не поколебали уже никакие вьюги, хотя очень скоро его надежда на существование независимой Беларусі угасла. Однако, как мы видим, не окончательно. И сегодня, живя в независимой Республике Беларусь, учась жить в условиях самостоятельного государства, мы должны помнить обо всех, кто радел о независимом государстве для белорусов. И в первую очередь — о великом Янке Купале.

Перед новым будущим

11 июля 1920 г. части Красной Армии опять вошли в Минск. 30 июля была перепровозглашена БССР, поскольку то первое, смоленское, провозглашение республики было упразднено образованием Литбел и о нем мало кто и помнил. А

в марте следующего года в Риге был заключен советско-польский мирный договор, который по живому разделил пополам Беларусь, закрепил за Польшей все западно-белорусские земли. В жизни Янки Купалы открылась новая страница...

Хотя и на очень небольшом островке своей этнографической территории (остальная оказалась в составе Польши и РСФСР) Беларусь — наперекор внутренним и внешним антибелорусским силам — все же существовала. Существовала в конкретной государственной форме советской социалистической республики. Конечно, Янка Купала надеялся не на такое решение социальных и национальных проблем родного народа. Он хорошо помнил работу «чрезвычайки» в 1919 г., в промежутке между немецкой и польской оккупациями Беларуси: *«О Беларуси тогда нельзя было и заикнуться<...>. Курганы сотен невинно расстрелянных... Над Минском повис кровавый кошмар. Люди на улицах боялись вслух говорить. Каждую ночь — повальные обыски...»* («Справа незалежнасці Беларусі за мінулы год»). Идеалы Октябрьской революции (власть — трудящимся в форме советов, фабрики — рабочим, земля — крестьянам, подневольным нациям — национально-государственное самоопределение) Янке Купале, как человеку из народных недр, были близки. Собственно, за эти, или приблизительно такие, идеалы он и боролся все предоктябрьское время, ими он жил, о них мечтал. И вот теперь, несмотря ни на что, на политической карте мира появилась его, Янки Купалы, республика — Беларусь! Причем БССР, как и РСФСР, Украина, Закавказская Федерация, провозглашалась как независимая республика, связанная с остальными тремя на основе двухсторонних соглашений. Это потом уже, в конце 1922 года, Сталин задумает оставить одну РСФСР, включив в нее три остальные как автономии, и больному Ленину придется приложить титанические усилия, чтобы хотя бы номинально оставить не одно унитарное государство, а союз государств — СССР. Как самостоятельный субъект международного права, Беларусь начали признавать некоторые страны. Да и *«эти советы»* были уже несколько иные, чем «те», прежние, — и в идеологическом, и в социальном, и даже в национальном отношении. Как-то незаметно в Беларуси не стало армянина Мясникова (Мясникяна), латыша Кнорина (Кнориньша)... Во властных структурах появились не только этнические, но и убежденные белорусы: Александр Червяков, Николай Голодед, Всеволод Игнатовский, Дмитрий Жилунович, Язеп Адамович, Александр Адамович, Дмитрий Прищепов, Антон Балицкий, Петр Ильюченко...

Конечно, Янка Купала не мог знать того, что мы знаем сегодня, а именно жестокой борьбы в руководстве РКП(б) между представителями двух линий — ленинской и сталинской. Эта борьба, которая влияла на конкретную политику, касалась разных аспектов: экономики, национального строительства, отношения к крестьянству, к интеллигенции, даже морали... Ленин, не в пример Сталину и некоторым другим тогдашним руководителям партии, обладал гибкостью мышления, был не только умелым стратегом, но и тактиком. Так, когда он увидел, что «военный коммунизм» страшнее Антанты и советская власть может быть задушена смертельной рукой голода, он убедил партию в необходимости новой экономической политики (НЭП) — развития рыночных отношений, существования частного капитала, замены продразверстки продналогом и др. Причем, согласно Ленину, НЭП устанавливался «всерьез и надолго». В общем, после Октября Ленин пересмотрел многие свои прежние взгляды и пристрастия, стремился, как он говорил, «изменить всю точку зрения на социализм». К сожалению, болезнь, отстранившая его от власти, и ранняя смерть не дали ему до конца исполнить задуманное...

Значительно пересмотрел Ленин и свое прежнее (по сути дела — Маркса) понимание национального вопроса, где классовое, социальное доминировало над национальным. Стремясь к тому, чтобы коммунистическая идеология проникла во все, в том числе и в национальные, общественные сферы, Ленин в тезисах по национальному вопросу, которые легли в основу решений X съезда РКП(б) (март 1921 г.), а также в продиктованном на больничной кровати обращении к партии

(«К вопросу о национальностях или о «автономизации», декабрь 1922 г.) стал, по сути дела, на позиции национал-коммунистов, которых затем стали оскорбительно называть «нацдемами» (национальными демократами). Ленинские идеи легли в основу «коренизации» — тогдашней официальной политики КПСС по развитию культур ранее угнетенных, русифицированных царской Россией наций, внедрения их родных языков в разные сферы науки, культуры, партийного и государственного строительства. В Беларуси такая политика получила название белорусизации. Не удивительно, что Сталин, который всегда по этому вопросу оставался на позициях Карла Маркса (задача коммунизма — создать классово-однородное общество, ликвидировать разнообразие государств, наций, культур, языков) и настойчиво стремился стать во главе новой, советской империи, за глаза называл Ленина «национальным либералом».

Разумеется, Янке Купале были ближе ленинские постулаты, которые находили тогда воплощение в некоторых партийных решениях, в высказываниях и практической деятельности отдельных представителей новой белорусской власти. Он — и не только он — убеждался: советская власть на деле стремится решить национальный вопрос, создать надлежащие условия для развития белорусского языка, культуры, науки, народного хозяйства. Преимущества советской национальной политики особенно были видны в сравнении с тем, что делалось на западно-белорусской территории. В то время как в Польше закрывались белорусские школы, преследовались белорусские общественные организации, издания, в БССР открывались национальные учебные и научные учреждения, библиотеки, музеи, архивы, театры. Так, в 1920 г. начали работу Белорусский первый театр (теперь — Национальный академический театр имени Янки Купалы) и Белорусский третий театр (странствующий театр Владислава Голубка), в 1921 г. — Белорусский государственный университет, в 1922 г. — Институт сельского и лесного хозяйства (в 1925 г. преобразованный в Белорусскую государственную академию сельского хозяйства), Институт белорусской культуры, из которого в 1929 г. выросла Белорусская Академия наук, Университетская и Государственная библиотеки, Государственный музей, Центральный архив и др. Возникли Государственное издательство Беларуси (1921), белорусскоязычные периодические издания: в 1920 г. — журналы «Вольны сцяг», «Зоркі», газета «Савецкая Беларусь» (до 1933 г. выходила на белорусском языке), в 1922 г. — журнал «Полымя», в 1923 г. — журнал «Маладняк» и др. Белорусский язык постепенно становился языком делопроизводства, официальным языком государственных и общественных учреждений. В июле 1924 г. на второй сессии ЦИК БССР было принято постановление «О практических мероприятиях по проведению национальной политики», которой официально провозглашался переход к политике белорусизации. Существенно расширились административно-территориальные границы БССР. В 1924 г. по решению ЦИК СССР, к республике отошли 15 уездов и ряд волостей Витебской и Смоленской губерний, в 1926 г. — Гомельский и Речицкий уезды РСФСР. Не забывались в то время и культурные потребности национальных меньшинств тогдашней Беларуси. Наряду с белорусским, государственными языками в республике были объявлены русский, польский и еврейский. Белорусский считался основным, поскольку свыше 80 % населения являлись белорусами, но во всех государственных учреждениях принимались документы и на остальных языках. Более того, создавались национальные сельсоветы (еврейские, польские, литовские и латышские), возникали национальные государственные театры (русский, еврейский и польский), выходили книги и газеты на разных языках.

Такая реальность Янке Купале была по нраву. В ней он стал активно участвовать: редактирует журнал «Вольны сцяг» (1920—1922), начиная с 1921 г., работает в Научно-терминологической комиссии Народного комиссариата просвещения БССР (позже — Института белорусской культуры), избирается председателем ее литературно-художественной секции. Активно занимается и литературным творчеством. Приветствуя земляков с Новым, 1922 годом, предчувствует новое, более

благоприятное для белорусов, время: : «З Новым годам, што крыніцай // Новай пойдзе ў пераходзе, // Беларуска зямліца» // Беларускі мой народзе!» («З Новым годам!»). Радуется, что «Вяртаюцца з выраю жоравы, гусі...» (1921) — возвращаются сыновья белорусские на свою Отчизну-Беларусь. Переводит на белорусский язык партийный гимн «Интернационал» (1921), восславляет революционера-романтика, главного редактора «Савецкай Беларусі» Степана Булата («На смерць Сцяпана Булата», 1921), первого председателя правительства БССР Дмитрия Жилуновича («Цішку Гартнаму», 1923), историка и общественного деятеля, наркома просвещения БССР Всеволода Игнатовского («Наш летапісец», 1924). Искренне радуется за Ленина и большевиков, которых, наконец, начала признавать Европа и пригласила на международную конференцию в Геную («Пазвалі вас», 1922), пишет приветствие делегатам IV Всебелорусского съезда Советов (1922)...

В то же время поэт, радуясь всему новому, что принесла революция белорусам, не мог не обращать внимание и на отрицательное. В частности, оно у Янки Купалы воплотилось в аллегорическом образе трутня, который «пустанасам жыў», но «неяк з пчолкамі здружыў», проник в улей и вот — «Пчолкі мёд нясуць да сот, // Труцень есць ды есць той мёд» («Бай», 1921). Каждый читатель стихотворения Купалы представлял своих «трутняў». Но то, что они существовали — или внутренне переродившись, отрекшись в мирное время от прежних революционных идеалов свободы, равенства и братства, или примазавшись, приспособившись к новой власти, — в этом не было сомнения. Одного из таких «трутняў», «тутэйшых» приспособленцев к любой власти, в том числе и к советской, Микиту Зносака остро высмеял Янка Купала в комедии «Тутэйшыя» (1922). Действие комедии происходит в Минске в 1918—1920 гг., когда власть несколько раз переходила из рук в руки: советская — немецкая — советская — польская — опять советская... В соответствии с этим «тутэйшы» Микита меняет свою политическую ориентацию, свое поведение, даже фамилию: из Зносака становится то Зносиловым, то Зносиловским. Наконец, услышав, что «заводзіцца какая-то, меджду протчим, Беларуска Рэспубліка», готов стать «на беларускую сторону»...

Мы говорили о борьбе в руководстве коммунистической партии и советского государства разных политических линий. Интересно, что и Янка Купала как поэт своеобразно подключился к этой борьбе. Его стихотворение «...О так! Я — пралетар!..» (1923) не имеет названия, начинается с многоточия, начальной недосказанности. Тем самым поэт словно включается сразу в дискуссию, дискусию по национальному вопросу. Стихотворение — яркий пример ролевой лирики: его автор выступает от имени «Я-пралетара», вчерашнего «раба накутнага», а сегодня «цара магутнага», «зямлі ўладара». Кстати, этот образ «раба-цара» поэт еще раньше употребил в стихотворении «Пазвалі вас» («І вы з рабоў пайшлі ў цары»). «Пралетар» исповедуется: «Мне Бацькаўшчынай цэлы свет. // Ад родных ніў я адварчуўся». Для него это естественно, ведь он слепо верит в то, что «коммунизм сотрет все границы» (лозунг большевиков). Одна «бьяда», которую он еще «не збыў», не дает ему покоя: «Мне сняцца сны аб Беларусі». Зная Янку Купалу, его непоколебимый патриотизм, нельзя тут не почувствовать могучей иронии по отношению к этой исповеди «Я-пралетара», в сборный образ которого укладывается не только белорусофоб Кнорин, но и сам Сталин. Именно сталинский «интернационализм» (понимай: космополитизм) поэт и «поддел» иронично в своем стихотворении. «Карькатура на пралетарскі інтэрнацыяналізм», — так откровенно злобно, но в общем правильно определил суть купаловского произведения один из тогдашних белорусских критиков.

Интонационная палитра Купалы-поэта очень широкая: спокойный рассказ-рассуждение сменяется пламенным пафосом, улыбка — грустью, ирония — сарказмом. В 1922 г. поэт написал одно из программных стихотворений нового времени «Перад будучыняй». В нем он с открытым

забралом вышел в бой против тех, кто «засеў за наш бяседны, сытны стол // І кідае, як з ласкі, нам агрызкі, // А мы к зямлі з падзякай гнёмся ў пол». Это уже не просто «трутні», а «трутні»-хозяева в чужом доме. Поэтому здесь не к месту ни улыбка, ни даже ирония, а острый сарказм, посредством которого поэт стремился разбудить нацию, национальную интеллигенцию от, к сожалению, традиционной культурно-политической белорусской спячки, призвал белорусов активнее — с думой о будущем — включаться в государственное строительство, не бояться вместе с должностями брать на себя ответственность за свою республику, ее экономику, культуру, науку, суверенитет... При этом Янка Купала не жалел острых, по-народному остроумных выражений для характеристики национальной интеллигенции, характеристики горькой, но справедливой: «Заціснуты, задушаны, як мышы // Пад жорсткім венікам...»; «Пакрыўленыя колісь нашы душы // Дагэтуль выпрастаць не ў моцы йшчэ»; «Мы ў страху... дум крутня... разбежнасць... // Без толку крыллем лопаем, як цьмы»; «Нат у вочы глянуць, плюнуць смела // Не смеем, стоптаня на пясок» и т. д. Как тут не припомнить написанную им при польской оккупации статью «Больш самачыннасці» (1919) с его призывом: «Так большыя самостаятельности, большыя смелости в строительстве своей новой независимой жизни!» Еще тогда поэт призывал «оставить плохую привычку думать, что кто-то придет и спасет нас от наших бед, нашей неволи». Теперь он также — только уже с сарказмом — говорит о том же самом: «...прысягаем, клічам Бога ў сведкі, Што мы — не мы, што нехта вінават...»

Стихотворение «Перад будучыняй» оказалось настолько остро актуальным, что тираж альманаха «Адраджэнне» (1922), в котором он в первый и последний (при жизни поэта) раз печатался, был конфискован. Однако Янка Купала все-таки успел познакомить с ним уважаемую аудиторию — 19 марта 1922 г. в БГУ, на вечере, посвященном его творчеству.

Перевод с белорусского Натальи КАЗАПОЛЯНСКОЙ.

Окончание следует.

